

НАША СТРАНА

Год издания—47-ой. Буэнос Айрес, суббота 4 февраля 1995

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 4 de febrero de 1995 № 2321

Ф. СЕРГЕЕВ

АНТИРУСИЗМ

Совещание римо-католических епископов Германии, в своем заявлении на прошлой неделе по поводу пятидесятилетия со дня освобождения выживших узников из национал-социалистических концентрационных лагерей, признало, что среди немецких римо-католиков было "не мало провалов и слишком много вины" во время тоталитарной диктатуры в этой стране между 1933 и 1945 гг. Недостаточная непримиримость к преступлениям этого режима была обусловлена предыдущим распространением антисемитизма, даже в церковной среде, отмечает это заявление.

Можно было бы добавить, что само руководство Римо-католической Церкви в Германии никогда официально не высказывалось так категорически против национал-социалистической тоталитарной диктатуры и ее преступлений, как это сделал против коммунистической тоталитарной диктатуры глава Русской Православной Церкви, святой исповедник патриарх Тихон, предавший анафеме преступную богоборческую власть в России. Эта анафема была затем дополнена заграничной свободной частью Русской Православной Церкви, предавшей анафеме лично самого Владимира Ульянова. Ни одна из этих двух анафем никогда не была отменена. Именно поэтому, все последующие акты и манифестации сотрудничества с тоталитарной диктатурой в России отдельных церковных сановников Русской Церкви не только не были соборными, но также не были канонически действительными, постольку, поскольку они нарушали эту анафему.

Нужно приветствовать несомненное стремление современного немецкого общественного мнения не только осознать порочность всего того, что так или иначе способствовало установлению тоталитарной диктатуры в Германии, но также и осознать необходимость принятия соответствующих мер для пресечения попыток восстановления таких порочных предпосылок. Важно отметить, что не только немецкие политические партии, участвующие в правительственной коалиции, но также и оппозиционная социал-демократическая партия официально заняли весьма критические позиции по отношению к недавно созданной партии некоммунистов, аналогично их всегдашним позициям по отношению к неонацистам.

Особенно важной в этом отношении является борьба против всяких попыток расовых, этнических и иных дискриминационных кампаний, зачастую принимающих размеры так называемых "черных легенд", являющихся "питательным бульоном" для тоталитаризмов. Нюрнбергский международный трибунал категорически осудил проведение таких кампаний, как подстрекательство к нарушению человеческих прав, и даже приговорил к смертной казни Юлиуса Штрейхера, одного из главных национал-социалистических подстрекателей, хотя и не было доказано его прямое участие в военных преступлениях.

Массовые нарушения человеческих прав в России тоже предварялись и сопровождались этнической дискриминационной кампанией, главным образом против русского народа и против его исторического государства. Сам учредитель коммунистической тоталитарной диктатуры, Владимир Ульянов, выразил это с предельной выпуклостью, заявив, что "на Россию нам наплевать". Уже в первом декрете ульяновского режима, опубликованного на следующий день после 7 ноября 1917 года, официально была провозглашена дискриминация против "великороссов", указанием на отказ от "удержания или увеличения аннексий великороссов". А Зиновьев прямо сформулировал программу геноцида, заявив в 1918 году: "Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожить". Затем последовала отмена тысячелетнего имени страны, при одновременном искусственном введении чуждого России принципа федерации, на основании которого и была совершена не менее искусственная перетасовка внутренних административных границ. Так были подложены мины замедленного действия под Россию, на десятилетия вперед, даже на сроки, превышающие жизнеспособность самого коммунизма.

Таким образом и сегодня, после коллапса коммунизма, ульяновщина продолжает свое вампирное существование "пост мортем", и не только в виде прочно застрявших памятников и кровавых звезд, но также и в виде продолжающегося "отказа от удержания аннексий великороссов", с помощью расчленительства и "федерализации". Для поддержания необходимой для этого соответствующей психологической атмосферы продолжается кампания систематического антирусизма, принимающая иногда гротескные формы.

Например, некий Артур Кузнецов даже требует запрещения слов "Russia", "russian" на иностранных языках, когда речь идет обо всем нашем государстве. Он предлагает, чтобы мы потребовали от международного сообщества впредь именовать нас не "Russia", "Russie", "Russland", а "Rossija", а также называть нас не "русскими" ("russian"), а "россиянами", для чего он даже изобретает английский неологизм "rosian". Все это якобы исходит из иного соотношения в России между национальным большинством и национальными меньшинствами, чем на Западе. Полемизируя с Артуром Кузнецовым на страницах "Независимой газеты" (в номере 94, от 9 мая 1994 года), Александр Пар отмечает, что во Франции национальные меньшинства составляют 7 %, в Российской Федерации 17 %, а в сегодняшней Украине 27 %. Можно было бы привести и многие другие примеры (например, даже в Израиле имеется национальное меньшинство арабов), но никому и в голову не придет требовать от всех этих стран, чтобы они меняли свои имена, только потому, что в них имеются национальные меньшин-

ства. Но дело даже не в этом, а в принципиальной преступности такой этнической дискриминации против русских и русскости, в самом антирусизме. Причем, дело не ограничивается одними только лишь статьями в газетах. На лицо — несомненная подспудная политическая тенденция.

Конечно, такой антирусизм (как и все "анти-измы") связан с невежеством его апологетов. Ведь слова "русский" и "российский" в корне дела являются синонимами, хотя и имеют (как и все синонимы) разные оттенки. В связи с этим, необходимо подчеркнуть два исторических факта: 1. Имя "Россия" появляется впервые в официальных международных документах в 1945 году, в грамоте "Константина и Романа, христолюбивых царей, Ингору, правителю России", а не при Петре Великом, как это некоторые утверждают. При Игоре, сыне первого русского князя, столица России была перенесена из Новгорода в Киев. Его вдова, святая Ольга именуется "великой княгиней Руси" ("мегалэ архонтисса Росиас"), с одним "с". Папы римские и вообще западные авторы того времени тоже называют древнюю Русь "Россией", или, вернее, "Руссией". Например, папа Григорий Седьмой называет в 1075 году князя Изяслава, внука святого Владимира, "Rex Ruscorum". Другие папы постоянно называют русских князей "Regem Russie". Плано Карпини пишет в 13 веке: "Kiavia, quae est metropolis Russsie" ("Киев, какой есть столица России"). 2. Раздвоение корня "Русь" на два варианта (с ударением на "у" и с ударением на "о") было вызвано разным произношением дифтонга "ou", и его переводом греческой "омегой".

Гораздо глубже нацелен антирусизм некоего князя Александра Оболенского, в его статье "Свята ли Русь?", в "Новом Русском Слове" от 14 октября 1994 года. Он договаривается до того, что "положительную сторону можно найти в том, что наша эпоха разбила окончательно кумир Кесаря". Но это не эпоха, а коммунистический тоталитарный режим всеми силами пытался разбить "кумир Кесаря", как и многие другие "кумиры", ибо именно про Кесаря сказано: "Отдайте кесарево Кесарю". Однако, "дело не в том, что проповедовал Ленин. Речь идет о том, насколько народ осуществил его учение", считает сотрудник "Нового Русского Слова".

Князь Александр Оболенский (ничего не пишущий о взаимосвязи между "князем" и "кесарем") утверждает, что "новый режим придется строить не на фундаменте Святой Руси, а на обломках коммунистического царства". Конечно, "для этого нужен новый дух, коренное изменение политического и религиозного сознания". Однако, он не уточняет, в чем же состоит этот "новый дух" и это "новое религиозное сознание", заставляя этим читателей лишь об этом догадываться. В этом существенная слабость всякой материальности: догадки могут быть даже хуже действительности. Правда, он не "имеет в виду подрывать важность и необходимость церков-

ной декорации". Но он считает, что сама "идея Святой Руси остается по сей день беспочвенной и утопичной, плодом исторической неудачи врожденного нашего самомнения, незаслуженным и произвольным словосочетанием". Мол, "не существует святости в природе", а посему и сама идея национальной святости является "сочетанием логически несовместимых понятий".

Князь Александр Оболенский утверждает "почти полное отсутствие этой темы в русской литературе". Сразу после этого он упоминает "обширную статью А. В. Соловьева, представляющую собой исторический обзор словосочетания "Святая Русь" от времен Владимира Святого до конца 19-го века". А затем, в связи с этой же темой, он упоминает также А. Карташева, Александра Блока, М. Цветаеву, А. С. Хомякова, Г. Федотова и других писателей. К сожалению, он не упоминает выдающегося русского мыслителя И. А. Ильина, лучше всего осветившего этот вопрос.

"В этой второй книге, так и озаглавленной "Богомолье", Шмелев продолжает свое дело бытописателя "Святой Руси"... Это не преувеличение: "Святая Русь"... Только немногие, совсем немногие люди на земле могут стать праведными, до глубины переродиться, целостно преобразиться. Остальные могут лишь отдаленно приближаться к этому. И когда мы говорим о "Святой Руси", то не для того, чтобы закрыть себе глаза на эти пределы человеческого естества и наивно и горделиво идеализировать свой народ; но для того, чтобы утвердить, вместе со Шмелевым, что рядом с **окаянной Русью** (и даже в той же самой душе!) всегда стояла и **Святая Русь**, молитвенно помогавшая ко Господу и достигавшая Его лицемерия, — то в свершении совершенных дел, то в слезном покаении, то "в томлении духовной жажды" (Пушкин), то в молитвенном богомолнии. И Россия жила, росла и цвела, потому что **Святая Русь вела несвятую Русь**, — обуздывала и учила **окаянную Русь**, воспитывая в людях те качества и доблести, которые были необходимы для создания великой имперской России. И так шло до тех пор, пока **окаянная Нерусь**, не развязала наши несвятые силы, наши грешные, бурные страсти, и не отстранила временно, — да, конечно, временно, — святую Русь от учения и водительства". (И. А. Ильин. "О тьме и неведении. Книга художественной критики. Бунин - Ремизов - Шмелев." Мюнхен, 1959. Стр. 179, 183. Подчеркнуто И. А. Ильиным).

Многие народы имели собственные **исключительные идеалы**. Эллы считали только греческий язык не варварским. Евреи считали только Израиль избранным народом. Англичане считали только Британию великой. Русские никогда не считали Россию святой, но считали, что идеалом России должна быть **Святая Русь**, дабы Россия не превратилась в **окаянную Нерусь**.

Ф. Сергеев

БИБЛИОГРАФИЯ

В. Лавров, „Катастрофа“ (Москва, 1994)

Начнем с хорошего. Таковым является неумолимое развенчание и разоблачение большевизма с самых его корней: Ленина, Троцкого, Зиновьева, Свердлова.

Это можно только ото всей души приветствовать. Дай Бог, чтобы это было одной из первых ласточек. Как бы продолжая наблюдения Солженицына над февральской революцией, Лавров рассказывает нам правду об октябрьской.

Книга, названная в подзаголовке „историческим романом“, есть, собственно, романсированная биография И. Бунина. Построена она несколько однообразно, по принципу использования его дневников, писем, иногда и рассказов или романов. В результате, он все время произносит монологи или участвует в многозначительных диалогах. Для биографии прием неплох; для романа — не вполне удовлетворителен.

Пока речь о России, мало о чем можно возражать. Но увы, когда речь заходит об эмиграции, — возражений напрашивается множество...

Прежде всего, с досадой констатируем, что автор совершенно не знает французского языка; а не имея сведений о сем последнем, — не вполне и удобно писать о Бунине, проведшем полжизни во Франции.

С изумлением читаем арисменд, вместо аррондисман (то есть „округ“, „район“). Нелепо звучит название улицы Ла Бюети, вместо Ла Бюэси. Что до улицы Фазанари, такой в Париже нет; и сомневаемся, была ли? Скорее всего ее имя изуродовано. И, наконец, французы не стали бы кричать: „Вив ла Русси!“ У них плохая при-вычка Россию именовать Русси.

Едва ли не хуже еще фальшивый язык, каким Лавров заставляет объясняться между собой русских эмигрантов.

Ни Бунин, ни его друзья никогда бы не сказали: „В адрес“. Этот мерзкий оборотец расплодился только после второй мировой войны. За границей мы все говорили (первая и вторая эмиграция): „По адресу“ или „На адрес“.

Настолько же немислимо звучит в устах Ивана Алексеевича восклицание (в мечтах о родине): „День прожить в Глотова!“ Он бы сказал „В Глотова“. Так, между прочим, и сейчас в „бывшем СССР“ выражаются более грамотные писатели, например, Солоухин: „В Шахматове“, „Во Внукове“ и т. п.

Точно так же, не сказал бы он санаторий. В 20-е годы господствовала форма женского рода: санатория.

Наряду с этим, в книге везде повторяется (в том числе в авторской речи!) устарелое, искусственное синематограф.

Не знаем, зачем (в знак презрения?) добрая знакомая Бунина, Мария Самойловна Цетлина, именуется везде Цетлин. В эмиграции никто ее так не называл.

Ну да это — промахи технические (хотя в историческом романе весьма и существенные!). Гораздо хуже идеологический перекос, в который Лавров впадает в конце

своей книги (чем ужасно ее портит! к нашему искреннему сожалению...).

Он с яростной ненавистью атакует Мережковских (которые были люди умные и талантливые, если в быту и мало симпатичные), Шмелева, Краснова и ряд других писателей и общественных деятелей за то, что они оставались последовательными антикоммунистами и, по стратегическим соображениям, поддерживали немцев против большевиков.

Но ведь тогда надо осудить и Власовское Движение, и Русский Корпус на Балканах, и массу других людей, живых и мертвых, в чьей высокой порядочности никак нельзя усомниться!

Более того, он объединяет с ними, в глобальном обвинении в антисоветчине даже упомянутую выше Цетлину, Вейнбаума, Седых; а надо бы, — хотя он об этом умалчивает, — и Гуля, Мельгунова, Зайцева, Алданова.

Ибо все эти люди дружно осудили советфильский уклон, в который, к несчастью, Бунин на своем закате скатился. Отметим даже, что и тут он не пошел до конца, как те, более глупые, но и относительно более честные совпатриоты, которые и впрямь поехали в „страну победившего социализма“, до или после второй мировой войны, как Эфрон, Святополк-Мирский и сколько других!

Что же до антисоветчины, — то почему же нам надо было быть просоветскими?! Когда сам же Лавров большевизм, и ленинский, и тем более уж сталинский рисует в его подлинном кошмарном безобразии?!

Нельзя и не надо оправдывать безусловно ложные взгляды и шаги, даже выдающихся людей. Самое мягкое было бы, честно охарактеризовать их как ошибки (навряд ли простительные...).

Бунин был, конечно, талантливым писателем. Заметим в скобках, — на наш взгляд он был куда сильнее как поэт, чем как прозаик. И вспомним мнение о нем И. Л. Солоневича, — пусть субъективное, но не лишенное проницательности: „второй сорт русской литературы“.

Но, как ни грустно, литературное дарование отнюдь не всегда увязывается с политической принципиальностью или хотя бы с

резвым мышлением.

Блестящий в „Окаянных днях“, когда произносит анафему революции, разумный, когда осуждает всех левых, от декабристов до эсеров и социал-демократов, — Бунин не поколебался стать сотрудником левых „Последних Новостей“ Милюкова. Хотя была уйма других газет и журналов... Но эта газета была богаче других и платила больше. По человечеству, можно понять. Но хвалить, — не стоить!

Когда же он впал в просоветский угар, — все его осудили (да и как иначе?), от монархистов до социалистов, вся русская эмиграция, не пошедшая, как тогда выражались, „из Голгофы в Каноссу“.

Честно-то говоря, он сам свою ошибку понял и от нее более или менее отошел; но уж не будем входить в долгие подробности.

Остановлюсь на другом. Автор книги приводит жестокие — но какие меткие! — слова В. Катаева (о жене Бунина): „белая мышь с розовыми глазами“. Я ее видел раз в жизни, но именно такой ее и запомнил.

Мы исключали, на общем собрании, из Союза Писателей советских патриотов. И она туда явилась с протестом, в сопровождении секретаря, Зурова. Выразив свое негодование, эта пара величественно удалилась.

„Патриотов“ мы все равно, своим чередом исключили. Но ее фигура так мне врезалась в память, что вот, читая о ней, я только такой и могу себе ее представить. Хотя, без сомнения, она и была когда-то молодой; вероятно, даже и красивой.

Выделю еще один пассаж в „Катастрофе“.

Старый Бунин с горечью говорит, что мол эмиграция была для него непрерывной цепью материальных лишений.

Ему ли жаловаться?! Получил Нобелевскую премию и ухитрился, — вещь, какую и понять трудно! — в два года ее целиком промотать.

Причем не то, чтобы он открыл свою газету или создал свою партию, — а просто как-то сумел прокутить!

Мы все, масса русских эмигрантов, переживали лишения более серьезного типа...

Языковые уродства

С АКЦЕНТОМ

С некоторым удивлением читаем в „Русской Мысли“ от 12 января в „Отрывке из интервью с А. И. Солженицыным“:

„Антоновна Марья Гавриловна спрашивает“...

Сколько лет мы все потешались над иностранцами, у которых на сцену появлялась „княгиня Машка Петрович“! А вот — дописались, дофранцузились!

Скажут: опечатка! Да; но такие опечатки возникают там, где утрачено до конца чувство языка.

Не скажем: родного языка. Потому что Бог вещь, можно ли считать, что для сотрудников парижского еженедельника русский

язык был когда-то родным?...

Ну — если и был, то давно ими забыт!

Поясним все же им: по-русски никак нельзя иметь два отчества. Это только гоголевский городничий ухитрился быть именником сразу и на Антона, и на Онуфрия.

А нормально у каждого православно-одного святой, и у каждого русского человека — одно отчество. Впрочем, у русских при вежливом разговоре с инославными и иноверцами, — католиками, лютеранами, мусульманами, буддистами, — и тех именуют по отчеству; и тоже — по одному.

Быть сразу Антоновной и Гавриловной — сие возможно только на страницах „La Pensée Russe“.

В ней, конечно, — все возможно. И какие оригинальные новшества мы в ней еще увидим, — не будем и пытаться предугадать!

Аркадий Рахманов

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

КРИЗИС В МЕКСИКЕ

Никогда в мире не циркулировало столько экономической информации и никогда не публиковалось столько экономических анализов и прогнозов, как сегодня. Однако, оказывается, это отнюдь не обеспечивает от самых неожиданных сюрпризов в экономической жизни мира.

В этой колонке уже отмечалось, что развитие курсов на международных фондовых биржах в прошлом 1994 году никак не соответствовало подавляющему большинству прогнозов в начале прошлого года. В частности, фактически никто не смог предвидеть многократных повышений банковских процентов в США, начавшихся в феврале прошлого года, а также и падение курса доллара по отношению к немецкой и японской валютам. Точно так же, еще каких-нибудь два месяца тому назад никто публично не предвидел сильного экономического кризиса в Мексике, развязавшегося после 20 декабря прошлого года, когда новое мексиканское правительство девальвировало валюту этой страны на 15 процентов.

С тех пор девальвация мексиканского песо превысила 40 %, что обернулось сильными потерями для иностранных вкладчиков, имевших капиталовложения в мексиканских акциях и облигациях. В последовавшей затем обычной в таких случаях панике началось бегство международных спекулятивных капиталов не только с фондовых рынков Латинской Америки, но и многих других стран, с так называемой „восходящей“ экономикой. Эта волна докатилась и до России, хотя ее экономика после февраля 1994 года больше уже никогда не была „восходящей“.

Характер и причины очередного мексиканского кризиса сложные. Госбюджет Мексики был в основном уравновешенным, но внешнеторговый и платежный дефициты были велики. Внешний долг Мексики превышает 160 миллиардов долларов, причем сроки для уплаты половины этой суммы истекают в этом 1995 году. Очевидно, что никакая страна не в состоянии погасить в один год половину всех своих внешних долгов, тем более, если сумма этих долгов превышает более чем в три раза годовой экспорт этой страны. (Экспорт Мексики достигает приблизительно 50 миллиардов долларов в год). Кроме того, Мексика имеет еще значительный внутренний долг, частично связанный с курсом доллара. Многие иностранные вкладчики являются также владельцами облигаций внутреннего долга, часть которого таким образом превращается в долг внешний, увеличивая этим названную цифру.

Однако, все эти данные были всем известны до кризиса. Что же произошло? „Уолл стрит джорнал“ пишет, что корни кризиса надо искать в начале этого десятилетия, когда международные вкладчики „стали искать лучших доходов“ на биржах „восходящих“ стран, в виду экономического зстоя в США, Европе и Японии. Возможно, что они не успели своевременно уйти из Мексики, обманутые заверениями предыдущего правительства Мексики. Потому такое раздражение? Потому такая спешка в спасательных акциях? Для спасения Мексики или вкладчиков?

П. Н.

ПИСЬМА ИЗ РОССИИ

ОБОСТРЕНИЕ СИТУАЦИИ

Сейчас тут в верхах ситуация резко обострилась, часть „демократов“ всерьез взялась свергать Ельцина с Черномырдиным, а часть отстаивает их, причем и в той и другой части побуждения совершенно разные. Если одни из „свергающих“ делают это из боязни, что Ельцин все более склоняется к идее установить сильный авторитарный режим с ориентацией на национальные интересы (Е. Яковлев и его газеты, отчасти „Известия“ и т. п.), то другие — потому что всерьез надеются сесть на его место, окрыленные своим „рейтингом“, втрое превосходящим ельцинский (Явлинский, Федоров и др.).

Среди „отстаивающих“ Ельцина одни делают это потому, что после его шагов навстречу оппозиции он и дальше будет эволюционировать в этом направлении („краснодиректорская“ часть правительств, „Российская Газета“, советники из бывшей номенклатуры), а другие — потому что поиному, чем самонадеянный Явлинский, оценивают ситуацию, и считают, что без Ельцина их всех прихлопнут, ибо другой фигуры, способной победить на выборах все-таки нет (Гайдар, „Литературная Газета“, ряд „приближенных“ политологов типа Кивы и т. п.). А тут еще две „темные лошади“: генерал Лебедь и Лужков — две фигуры, по своим личным качествам на порядок превосходящие все остальные из известных ныне. Лебедь по натуре, конечно, скорее национал-большевик, но, я бы сказал, скорее „стихийный“ — по образованию, воспитанию и жизненному опыту, чем „идейно-теоретический“.

Лужков — по репутации „демократ“, но, опять же, ни в малейшей степени не верящий ни в какие „демократические ценности“, а чисто „конъюнктурный“.

Общее у них, короче говоря, то, что оба при случае способны на что угодно — принять любые взгляды, проводить любую политику, установить твердую власть с таким лицом, какое покажется практически выгодным. Потому что эти люди внутренне свободны от каких бы то ни было идеологических „заданностей“, и, кто бы их ни окружал, им ничего не стоит избавиться от „попутчиков“. Оба при этом избегают афишировать и свои взгляды, и свои цели, причем по некоторым опросам „рейтинг“ их очень высок.

В сущности, они являют тот тип, который представлял сам Ельцин в 89-91 годы. Поэтому их все боятся: они повернуть могут туда, куда только сами знают. И вообще этот тип деятелей „входит в моду“.

Представьте себе, что одновременно муссируется идея восстановления монархии — и понятен будет страх, который выражают разные газетные заметки, в которых всячески пытаются представить монархическое мировоззрение как „политический лунатизм“.

И так уж тут слюной брызгают по поводу „изменения внешнеполитического курса“ (то есть перестали слушаться США на 100 %, а слушаются только на 50) и „возрождения российского империа-

лизма“, а еще и о монархии разговорчики заводят... как тут истинному демократу не возвысить голос протеста?

Впрочем, это все пока тенденции. И если Ельцин не сыграет в ящик от пьянства раньше времени, то года полтора, быть может, ничего „судьбоносного“ не произойдет.

С. Владимиров (Москва)

ЧТО ДЕЛАТЬ С ЧЕЧНЕЙ?

По чеченскому вопросу мое мнение как всегда точно высказал в ночном канале „Останкино“ А. И. Солженицын: разделить Чечню по Тереку.

Я полностью разделяю точку зрения Солженицына на все проблемы современной России. Очень хорошо, что у нас есть такой ориентир; нас труднее теперь сбить с толку какому-нибудь сладкоголосому умнику из социалистов-демократов.

Если народ Чеченской области в честном голосовании заявит о своей отчуждаемости от России, то следует всем чеченцам, проживающим в Москве, получить статус иностранных граждан. Их в одной Москве всегда было больше, чем в Грозном.

Елена Бреннер (С. Петербург)

КРИК ОТЧАЯНИЯ

Я обращаюсь к читателям „Нашей Страны“ за помощью и поддержкой. В местной газете я тоже опубликовала призыв о помощи. Но представьте, на него ни один человек не откликнулся. Так тяжело сейчас живут люди в России, что они уже не слышат друг друга, их не трогают крики отчаяния и боли.

Несколько лет назад, когда я усыновила двоих малышей из детского дома, я не думала, что придется просить о помощи. Мы с родителями (они у меня уже старенькие) жили вполне прилично и ни в чем не нуждались. Но перестройка России, эти бесконечные реформы, экономические потрясения совсем сделали нас нищими. Дети растут, а мне их не

на что содержать. Практически я одна содержу семью из пяти человек — это невыносимо тяжело. Мне ведь скоро 50 лет, голова уже покрылась сединой от всего пережитого, и работать 24 часа в сутки я уже не в силах, устала смертельно. А дети после перенесенных болезней очень ослабли, их надо хорошо, сытно кормить. А мне порой на стол подать нечего. Дети учатся — приходится немало платить за учебу, но денег не хватает катастрофически.

Дорогие далекие друзья, может быть, вы лично или ваши друзья и единомышленники смогут нам хоть немного помочь продуктами и деньгами. Мне так хочется видеть моих милых курносиков счастливыми! Я уже забыла, когда покупала им сладости. Но хоть бы удалось их получить накормить — и то спасибо! Умоляю вас, услышьте мой призыв о помощи! Я верю, что у вас доброе, чуткое сердце и вы не сможете равнодушно прочитать мое письмо. Поверьте: мне, матери, это очень больно, когда у ребенка печальные глаза, когда он мучительно отворачивается от витрин магазина, когда ему хочется жить так же, как и его ровесники — чтобы были игрушки и сладости. Боже, неужели за то, что усыновила я двоих голубоглазых крошек, я еще немалым испытаниям буду предана!

Возможно, вам мое письмо покажется странным — почему я обратилась к вам? Нет ничего здесь странного. Я читала в „Православной Руси“ о многих добрых делах своих соотечественников. В том числе и про „Нашу Страну“. Был указан ваш адрес — и у меня нахлынули слезы: вдруг вы и есть те самые люди, которые спасут нас от страшной нужды?

Мой адрес: Россия, 300012, г. Тула, ул. Тимирязева, дом 101, корп. 6, кварт. 89. Тел. (0872) 25-74-86. Журавлева, Зоя Михайловна.

Простите меня и не осуждайте — я мать, мне больно и горько за детей моих. С низким поклоном к вам и с надеждой на вашу доброту и гуманность.

З. М. Журавлева (Тула)

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

НЕВЕРОЯТНЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Я таки начал опять работать над „мемуарами“ о Батьке, главным образом по настоянию Н. Л. Казанцева. Может быть так оно и лучше: может быть таким образом из меня еще что-то выйдет в писательском отношении.

Я сейчас приближаюсь к самому критическому моменту в батюшкиной жизни: его с Тамочкой полу-поддельному разводу. Батюшка сам никогда о нем ничего не писал, разве что мимоходом. Этот развод совпал с нашей катастрофической первой попыткой драпежа, ответственность за который он нес всецело на себе, хоть это и было ненужно. Но такие два события, свалившиеся на беднягу одновременно, действительно подвергли его характер невероятному испытанию.

Я тоже одно время думал всю эту историю опустить, но отказался от этой идеи, считая, что она его портрету повредить не может. Наоборот.

У меня теперь объявилась целая куча новых сородичей: все аутентичные Солоневичи, растерянные во время войны. Их — с дюжину. Они — в Сибири. Каждому тоже нужно написать письмо или послать посылку. Лично знал только одну — мою тетушку Зину. Об остальных я даже никогда и не слышал.

Юрий Солоневич (США)

От редакции: Автор данного письма Юрий Иванович Солоневич — художник, автор книги „Повесть о 22-х несчастных“ — является единственным сыном основателя „Нашей Страны“ И. Л. Солоневича.

АМОРАЛЬНЫЙ ПРОРОК

По содержанию, жуткие пророчества Клюева („Наша Страна“ № 2310), к сожалению, оказывались кстати. Они, увы, оправдались. Однако я питаю к нему большую антипатию. Личность-то он был препротивная!

Особенно не могу ему простить того, что он подтолкнул Есенина к самоубийству.

Тот ведь пришел к нему незадолго перед смертью, — очевидно, надеясь, что Клюев, как крестьянский поэт и в какой-то мере единомышленник ему окажет моральную поддержку.

А Клюев его выпроводил, сказав: „Иди, иди, Серега! За тобою смерть стоит, ты уже мертвец, мне с тобою тошно...“

Бог ему судья!

Г. Криваго (Италия)

НЕ ЗА ЧТО ХВАЛИТЬ

Покорбило меня воспроизведенное „Нашей Страной“ из московского журнала „Элита“ восхваление королевы Елизаветы Второй за усмирение Ирландии. Если было когда в истории что-либо возмутительное по тупой жестокости, так это политика Англии в Ирландии, с самого начала и по сей день. Вот уж образец, которому никак не следует подражать!

Виктор Штремлер (Греция)

КНИГА ПАМЯТИ УЧАСТНИКОВ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

В рамках научно-культурной и пропагандистской программ движения «Белая Россия» под руководством С.В.Волкова создается «Книга памяти участников Белого движения». Это издание призвано собрать и сохранить сведения обо всех участниках Белой борьбы, о которых удастся выявить хоть какие-то даже минимальные данные. Оно строится по принципу краткого биографического словаря с обязательным указанием следующих сведений (если они имеются): 1. Фамилия, имя, отчество. 2. Дата рождения. 3. Происхождение. 4. Последний чин в русской армии и воинская часть (если не служил, то род занятий к 1917 г.). 5. С какого времени в Белом движении. 6. В каких армиях. 7. Последний чин (занимаемые должности). 8. Судьба после гражданской войны (членство в РОВСе и др. организациях, участие в Русском Корпусе и т.д.). 9. Время и место смерти. 10. Сведения о семье и потомках.

В настоящее время нам известно около 20 тыс. имен участников Белого движения, однако лишь для небольшой части их имеются желаемые данные.

Просьба ко всем лицам, располагающим сведениями об участниках Белой борьбы (хотя бы самыми краткими — фамилия, судьба) из числа своих родственников или знакомых, предоставить их для готовящегося издания. Мы будем также благодарны за любое указание на то, где такие сведения можно найти и за присылку любых материалов, содержащих имена участников Белого движения (например, списков членов полковых и иных эмигрантских объединений, списков погребенных на зарубежных кладбищах и т.п.). Сведения можно направлять по адресу: 117607 г. Москва, ул. Раменки, 11, корп. 1, кв. 65 Волкову С.В.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ПСЕВДОМОНАРХИСТЫ

Нам пишут из Нью Йорка:

Выходящий в Джорданвилле журнал «Православная Русь» опубликовал заметку А. В. Нетесова, в которой председатель Донского Монархического Центра утверждает, что «народно-монархическое движение в России неуклонно ширится, растет и уверенно набирает силу, и его влияние на рост самосознания русского народа уже ощутимо и затронуло все слои населения. Как правило, монархические организации создаются одновременно с восстановлением разрушенных храмов. Именно таким образом происходило становление Донского Монархического Центра в тесном сплочении с общиной, возрождающей храм преподобного Серафима Саровского в Ростове на Дону. Это не случайное совпадение и не дань моде, а характерный факт, который отражает тенденцию восстановления православно-монархических начал бытия русского народа».

Тем не менее, А. В. Нетесов отметил, что поскольку все это не устраивает и даже откровенно пугает врагов национальной России, они «прилагают усилия, чтобы не допустить объединения русского народа вокруг православия, самодержавия, народности. Для этого ими используются различные методы. Одним из них является создание псевдомонархических организаций для обмана православной общественности и раскола монархического движения».

А. В. Нетесов привел затем ряд примеров таких псевдомонархических организаций.

ПРАВЫЙ РЕВИЗИОНИСТ

Нам пишут из Гамбурга:

В здешнем еженедельнике «Шпигель» появилось пространное интервью, данное сотрудником этого журнала видным немецким историком Эрнстом Нольте. Оно привлекло внимание средств массовой информации в разных странах Европы. Нольте, считающий себя учеником и последователем философа Мартина Хайдеггера, на собственный лад интерпретирует исторический процесс.

Например, в 1986-м году он выступил с таким утверждением: «Пример, воплотившийся в Освенциме, национал-социалистам подали большевики своим „архипелагом Гулаг“: истребление большевиками неугодных им „классов“ породило нацистскую доктрину истребления неугодной расы». Критики такой точки зрения упрекнули тогда Нольте в том, что его концепция позволяет представить преступления нацистов как бы в менее жутком свете.

«Шпигель» — левый журнал. То обстоятельство, что он представил на своих страницах место для изложения взглядов такого «правого радикала» как профессор

Нольте свидетельствует о том, что в Германии уже невозможно игнорировать «правых ревизионистов».

На вопрос, считает ли он себя правым радикалом, Нольте ответил: «Томас Манн как-то сказал, что когда лодка кренится на левый борт, сидящий в ней невольно отклоняется вправо, — и наоборот. В данный момент поддержки заслуживают скорее праворадикальные течения, нежели леворадикальные. Я отстаиваю необходимость существования в Германии некоей праворадикальной партии, но, безусловно, демократической, не нарушающей конституции».

По мнению журналистов «Шпигеля» из трудов Нольте создается впечатление, что ему не по душе парламентская демократия. Даже установление нацистской диктатуры он рассматривает как всего лишь «устранение возникшего хаоса в неуправляемой политической системе» тогдашней республики, как «восстановление политики с позиции силы».

«Что поделаешь — ответил Нольте, — именно так многие смотрели на вещи тогда, в начале 30-х... Это давно ни для кого не секрет. Прошу только не смешивать такую точку зрения с позицией, которую отстаивали нацисты».

Нольте не исключает, что большинство еврейских жертв нацизма погибли не в газовых камерах, а вследствие чудовищных условий жизни, созданных в оккупированных странах Восточной Европы: голод, эпидемии, в первую очередь — тиф, расстрелы заложников. Это вызвало обвинения, что мол объективно подобная трактовка играет на руку неонацистской пропаганде, но Нольте считает, что «история требует точности. Показания свидетелей о том, что происходило в Освенци-

ме и других подобных местах заслуживают наибольшего внимания и признания. Однако — с такой оговоркой: при условии, что это действительно показания реальных свидетелей. С другой стороны, я как историк обязан искать зерно истины и во всех других свидетельствах».

По словам историка, «ведь и жертвы — я имею в виду тех, кто уцелел, и Государство Израиль, — не во всех случаях заинтересованы в восстановлении объективной истины. Жертва имеет право подчеркивать свои страдания. Но в наше время это диктуется уже не только вполне понятными эмоциями пострадавших, но и иными, в том числе политическими, интересами».

Журналисты упрекнули Нольте в том, что когда историк Арно Майер назвал свидетельские показания о газовых камерах «отрывочными и недостаточными», он «поспешил объявить, что ревизионисты в данном случае выиграли спор». В ответ, историк процитировал такое высказывание Нобелевского лауреата Иосифа Бродского: «Я лично в любом случае предпочел бы смерть в газовой камере, нежели голодную смерть в Гулаге после многомесячных мучений».

Сотрудники «Шпигеля» возмутились: не затем ли ему понадобилась эта цитата, чтобы подкрепить ею нацистский тезис о «гуманном, безболезненном умерщвлении». Ответ Нольте: «Это не нацистский тезис, ибо сами нацисты никогда не высказывались вслух о своих методах массового убийства! Но если обратиться к историческим прецедентам — в истории массовые убийства совершались обычно самым зверским способом, в целях устрашения».

Профессор не уверен, что в Освенциме было умерщвлено более миллиона евреев и что общее число евреев, жертв нацизма, до-

стигает шести миллионов. «А уверенность в чем-то — таков принцип любой науки — побуждает к дальнейшим исследованиям, в том числе для уточнения цифровых данных. Давайте продолжим, пока наука не скажет последнее слово».

Согласно Нольте, «с точки зрения идей тоталитаризма уничтожение кулаков в Советском Союзе и уничтожение евреев в нацистской Германии — явления одного порядка. Я считаю нацизм движением, наиболее эффективно воспротивившимся идее поражения, подавления Германии. Как я сформулировал в своих книгах «это была радикальная реакция на торжество большевистской революции в России, столь же свирепая и эффективная, как ее коммунистический прообраз».

Особенно возмутило левых журналистов следующее заявление историка: «Сейчас я вообще затрудняюсь сказать, все ли войны, которые вел Гитлер, следует характеризовать как агрессивные. Если мы не употребляем термина «агрессия» или «неспровоцированное нападение», применительно к той войне, которую Сталин вел в 1939-40 годах против Финляндии, то можно ли говорить, будто Гитлер в мае 1940 года совершил агрессию против Франции? В рывке Гитлера во Вторую Мировую войну можно видеть попытку объединения Европы против угрозы большевизма».

Журналист: «Путем превращения Европы — огнем и железом — в Великогерманскую Империю с рядом государств-сателлитов, с низведением целых народов до уровня рабов?»

Нольте: «Не пытайтесь загнать меня в угол. Я решительно против представления, будто население России надо было обратить в рабство, какие-то области России присоединить к Германии или уничтожить евреев как «носителей мирового зла». Но почему нельзя рассматривать Вторую Мировую войну как первую, пусть грубую и жестокую, попытку объединения Европы? В тех исторических обстоятельствах это можно было осуществить, только применив силу, — но это не значит, что нужно с ходу осуждать идею такого противостояния коммунистическому тоталитаризму».

ДИВИЗИОН КОНВОЯ

Нам пишут из Сан Франциско:

В своем очередном оповещении Объединение Дивизиона Собственного Его Величества Конвоя уточнило, что «знаменщиками в Русской Императорской Армии были лучшие из нижних чинов, и ассистентами при знамени тоже. В условиях эмиграции ими могли быть и офицеры. В Строевом пехотном уставе, Высочайше утвержденном в апреле 1908 года, говорится: «Честь носить знамя предоставляется достойнейшему унтер-офицеру полка (или отдельного батальона), преимущественно из имеющих знак отличия военного ордена. Ассистентом к нему назначается унтер-офицер».

ВОРОНЕЖСКИЙ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА КАДЕТСКИЙ КОРПУС

О Б Р А Щ Е Н И Е

В 1845 году на добровольные пожертвования в Воронеже был учрежден и открыт Михайловский Кадетский Корпус, ставший центром воспитания интеллектуальной и военной элиты.

В 1992 году Корпус возрожден как воскресная школа, в 1993 зарегистрирован как негосударственное образовательное учреждение. Ныне в Корпусе более ста кадет. Однако для выхода на уровень полного пансиона нужны инвестиции. Поэтому летом 1994 года было создано Попечительное Общество Михайловского Кадетского Корпуса: нашлись те, кто поверил в благородную идею воспитания молодого поколения.

Обращаемся ко всем, кто мог бы внести свой вклад в возрождение славного учебного заведения.

Поможем Корпусу всем миром, вырастим наших детей хозяевами своего слова, чести, родины!

И да хранит нас Бог! Да поможет нам Св. Архангел Михаил!

Ныне в попечительное общество входят: 1) Компания «МЭИ», 2) Воронежский Областной Фонд Культуры, 3) Фирма «Тандем Плюс», 4) Фирма «Кристал».

Желающим помочь: Коминтерновское отд. N 7503, г. Воронеж, Сбербанк РФ, НЧОУ «Воронежский Вел. Кн. Михаила Павловича Кадетский Корпус», р/с 468003 в РКЦ ГУ ЦБ РФ г. Воронежа, р/с 600 164536, МФО 111007.

Тел.: 22-56-13, 22-43-36, (с 22.00), факс (0732) 55-16-85, телекс 153229-PUNKT RU, телетайп 153982 ПУНКТ корпус.